

В конце «лихих 90-х» авторы «Граждановедения» вели трудные переговоры с руководством одного из крупных издательств, выпускавшим учебную литературу. И посетовали на облегченное обращение его редакторов и менеджеров с этим термином. Гендиректор, абсолютно уверенный в том, что это слово существовало всегда, как например и «обществоведение», искренне изумился: «Вы так говорите, как будто Вы лично придумали и приватизировали это слово».

Все так и было: придумал термин один человек. Но «приватизировать» его не удалось ни ему, ни целому авторскому коллективу. Да и мысли такой не возникало в самом начале эпохи всеобщей приватизации. Об авторских правах даже никто тогда и не думал. Хотелось другого – чтобы курс с названием «Граждановедение» быстрее обрел права гражданства, был признан.

Впрочем, и в те времена казалось, что изобретение нового термина позволяет считать курс **авторским**. Это оградило бы его создателей от всякого рода рекомендаций и позволило бы видеть курс таким, каким его видят сами авторы. И логика здесь железная: если кому-то что-то не нравится, беритесь и делайте свой авторский курс.

Не тут-то было: недаром эти 90-е были названы лихими...

Уже через пару лет авторам курса начали указывать, каким должно быть российское граждановедение. Ладно бы говорили о том, каким должно быть гражданское образование или гражданское воспитание! Так нет же...

Термин приживался нелегко: во-первых, само слово звучало довольно коряво. Во-вторых, на рынке инноваций появилось немало различных «ведений» – «родиноведение», «человековедение», «регионоведение», «религиоведение» и другие.

Однако, до того, как «Граждановедение» по-настоящему стали замечать, авторам с 1989 г. (начало апробации курса) пришлось еще лет пять покрутиться: напечатать пару миллионов экземпляров пособий более десятка наименований (для 5 – 9 классов), провести сотни (нисколько не преувеличено) семинаров в регионах от Калининграда до Владивостока, сделать многочисленные коррективы текстов, повращаться в Министерстве образования.

И только когда курс оказался более чем востребованным массовой школьной практикой, то есть приобрел невиданную рыночную ценность, тогда на него, и на сам термин, обратили внимание некоторые издатели и... пираты. А потом проснулись и те, кому курс «Граждановедение» реально мешал на рынке идей и учебной литературы.

Казалось бы, что проще: сделай лучше и вытесни с рынка. Правда, одно издательство поступило честно: «Дрофа» приобрела у Центра «Гражданин» права на совместное издание пособий для учащихся и учителей. С 1997 года эта кооперация продолжалась 7 лет. Кто-то нашел другой выход – совершенно правомерно обратились к А.Ф.Никитину, который также был в числе разработчиков первой концепции и программы курса.

Сейчас к термину привыкли.

...Сразу после взрыва экстремистских настроений 12 декабря на Манежной площади в Москве (2010 г.) член Общественной палаты РФ красавица Тина Конделаки во время ток-шоу на ведущем телеканале почему-то несколько раз вспомнила «Граждановедение». И сделала это именно тогда, когда везде зазвучали тревожные вариации на тему «что же делать?».

И Президент России Д.А.Медведев пару раз обмолвился о гражданском образовании, когда в самом конце года раздавал задания на памятном заседании Госсовета по тому же поводу. Видимо, кто-то ему что-то сказал «про это».

Но почему тогда Президенту не подсказали, что давно существует эффективный инструмент для решения этой задачи? В данном случае, инструмент, отлично зарекомендовавший себя. И что его ценность для столь деликатного дела как раз и заключается в нацеленности на результат, на реальных, а не на виртуальных, детей? И

что такой воспитательно-образовательный курс в состоянии систематически просветлять хотя бы часть мозгов у тех, кто уже «на все готов»? И что содержание сознания человека, в конечном счете, и определяет его поведение?

Откуда же взялся термин? Конечно, никто его не придумывал. Его «подслушал» один человек, а когда пришло время, он его «примерил» и применил к идее интегрированного воспитательно-образовательного курса, который как раз и направлялся на развитие гражданского сознания и поведения школьников. Причем, школьников еще советских, поскольку термин появился в те времена, когда все строилось под решения съездов и пленумов.

Уже тогда было ясно, что «Обществоведение» и «Основы Советского государства и права» пользы не приносят. И не только из-за того, что они предельно замкнуты на коммунистическую идеологию, а потому, что в них практически отсутствовала какая-либо продуктивная педагогическая система. Они нагоняли на школьников и учителей беспроглядную тоску не только своим содержанием, но и отсутствием метода, способного заставить детей хотя бы просто слушать учителя или просто читать учебник.

Кстати, был в учебном плане советской школы еще один похожий курс – «Этика и психология семейной жизни». Его автор, прекрасный специалист и человек И.В.Гребенников, прекрасно понимал, что отличная идея подготовки школьников к семейной жизни была убита в его пособии для учащихся отсутствием оригинальной авторской концепции и опорой на классические дидактические подходы.

Курс о семье не может строиться на учебно-дидактических принципах. Разговор о семейных ценностях требует совершенно особого отбора материала и его методической интерпретации.

Так откуда же взялся термин «Граждановедение»?

В середине 70-х годов в лабораторию правового воспитания НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР приехал обменяться опытом известный в Венгрии специалист по школьному обществоведению профессор Петер Себени.

В контексте этого обмена он-то и упомянул слово «Граждановедение». Причем, сейчас уже не вспомнить: то ли Себени сам произнес это слово на русском языке, то ли переводчик случайно так интерпретировал идею гражданского воспитания.

Попытки потом встретить в Венгрии следы «Граждановедения» и самого профессора ни к чему не привели. Слово запало в память, и примерно в 1986 году вновь появилось на свет.

[А впервые термин был обнародован публично на страницах журнала «Социалистическая законность» № 8 за 1988 год. Статья Я.Соколова и А.Никитина называлась «Почему не «срабатывает» в школе правовой курс?»](#)

Кстати, этот вопрос и ныне имеет 100-процентную актуальность. Правовые курсы для школьников-подростков, построенные на ретрансляции правовой системы, без ее специальной педагогической интерпретации для массовой школы могут оказаться не просто бесполезными. В определенных условиях они становятся реальными источниками развития правового нигилизма, из-за распространенности которого в обществе так расстраивается наш Президент.